

УДК 001.63

А.В. РЫЧКОВ, канд. ист. наук, Омский государственный технический университет, Омск

Н.И. ВАВИЛОВ И Т.Д. ЛЫСЕНКО: ВНЕДРЕНЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Статья посвящена рассмотрению взглядов Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко на проблемы организации внедрения достижений науки в сельскохозяйственное производство.

Ключевые слова: Н. И. Вавилов, Т. Д. Лысенко, сельское хозяйство, научный взгляд, аграрная наука.

Повышение эффективности сельскохозяйственного производства невозможно без внедрения новейших научных достижений. Однако в последние десятилетия на постсоветском пространстве проявляется обратный процесс деиндустриализации отрасли. Растет зависимость сельского хозяйства от погодных условий. Сокращается количество пашни. Исчезают целые отрасли. Связано это, прежде всего, с господствующим среди экономистов и чиновников мнением, что рынок обеспечит автоматическое и быстрое «онаучивание» производства. Термин «внедрение» стал рассматриваться в негативном ключе, в качестве признака административной экономики. Между тем формирование глобальных надстрановых экономических структур обостряет конкуренцию и ставит «своих» крестьян в сложное положение. Поэтому в настоящее время приобретает особую значимость осмысление прошлого опыта внедренческой деятельности. Нужно сказать, что данная проблема практически обойдена вниманием историков-аграрников и историков науки и является, выражаясь сельскохозяйственной терминологией, практически стопроцентно «целинной».

Известно, что на развитие аграрной науки в СССР в 1930 – 1960-е гг. наибольшее влияние оказали Н. И. Вавилов и Т. Д. Лысенко. Академик Н. И. Вавилов – выдающийся генетик и селекционер, автор крупных теоретических обобщений в генетике и эволюции, член многих академий мира, выдающийся организатор науки, создатель ВАСХНИЛ и ее первый президент. Академик Т. Д. Лысенко – глава «передовой мичуринской генетики», долгие годы являлся президентом ВАСХНИЛ, после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в сельскохозяйственной науке было установлено монопольное положение группы Т. Д. Лысенко. В научной литературе, в том числе и автором данного материала, уже уделено внимание феномену Т. Д. Лысенко, определены как причины возникновения и основные черты лысенковщины – идеологизация и примитивизация науки, авантюризм и автаркизм и пр., – так и ее негативные социально-экономические последствия [1].

Данная статья посвящена анализу взглядов Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко на организационные проблемы внедрения. Понимаю, что ставить эти

фамилии рядом вряд ли оправданно с этической точки зрения, но именно при таком подходе мы сможем глубже оценить как достижения, так и упущенные возможности, и даже провалы советского сельского хозяйства. Опираясь на прошлый опыт, легче будет сформулировать организационные принципы внедрения на сегодняшний день, избежав возможных просчетов и ошибок.

Гениальный ученый, выдающийся организатор науки академик Н. И. Вавилов развитие сельского хозяйства в нашей стране не представлял без установления тесного союза «государства, науки и земли». «Социалистическое хозяйство огромной Советской страны может быть построено только на основе разносторонних научных знаний», – подчеркивал он [2, с. 8]. Однако установление союза «государства, науки и земли» требовало определения наиболее эффективных организационных форм, обеспечивающих быстрое внедрение научных рекомендаций в производство. Положение осложнялось тем, что отсутствовал какой-либо серьезный опыт внедренческой деятельности, который можно было бы использовать. «Самой характерной чертой нашего сельского хозяйства в прошлом был полный отрыв его от науки. Русская наука стояла сравнительно высоко, не уступая западноевропейской. Мы имели первоклассные научные учреждения, опытные станции, опытные поля, но жизнь большой страны шла мимо этих опытных станций; они были своего рода музеями, в которые кое-кто заглядывал изредка, но за околицей опытного поля начиналась отсталая, нищая, средневековая деревня», – писал Николай Иванович [3, с. 336].

Увлеченный исследовательской работой и загруженный научно-организационной деятельностью Н.И. Вавилов, тем не менее, не оставил без внимания и вопросы организации внедренческой деятельности. Прежде всего, он считал необходимым освободить научные учреждения от административных функций по решению текущих производственных задач, отделив научные исследования от непосредственного внедрения. По мысли ученого, «Академия (ВАСХНИЛ – А.Р.) должна быть руководящим научным учреждением не в смысле административном, а в смысле научного руководства, ...она должна поднимать крупные вопросы сельского хозяйства, освещать их, консультировать земельные органы...» [2, с.122]. Организация внедрения научных рекомендаций, как считал Николай Иванович, должна стать делом практических работников: «Приходится иметь в виду, что одна сторона дела – это разработка технических мероприятий, а другая сторона – это претворение в жизнь технических достижений, использование данных техники и научной агрономии. Но эта сфера не наша, не опытников. Это дело экономистов и организаторов, и здесь мы должны уступить место экономистам и организаторам» [2, с. 131]. В нэповский период пропагандой результатов исследований и их внедрением ученый призывал заниматься общественной агрономией [3, с. 88]; в 1930 г. в целях укрепления связей аграрной науки с производством Николай Иванович предлагал значительную

часть опытных учреждений, в особенности опорных пунктов, перевести на бюджет хозяйственных производственных организаций [2, с. 14]; в начале 1930-х гг. для целей внедрения Н. И. Вавилов считал целесообразным использовать создаваемую в стране сеть областных, краевых, республиканских институтов организации сельского хозяйства, которые должны были быть «увязаны в своей работе самым теснейшим образом с соответствующими земельными отделами» [3, с. 100]; на уровне отдельного хозяйства «нести науку на колхозные поля» необходимо было, по мнению Николая Ивановича, через организуемые хаты-лаборатории, которые считал «приводными ремнями от высшей науки к колхозному производству» [3, с. 387].

Известно, что главную роль в определении и проведении в жизнь экономической и научной политики в Советском Союзе играло государство, что одновременно и восхищало, и настораживало Н.И. Вавилова. Восхищало, поскольку открывало возможности при соответствующей государственной поддержке «продолжить в растениеводстве начатую революцию» и изменить облик сельского хозяйства страны. Николай Иванович искренне верил в то, что возможно выстроить аграрную отрасль огромной страны на строго научной основе. Показательно в этом отношении его письмо коллективу ВИРа из Перу в связи с 12-й годовщиной Октября, в котором он, в частности, писал: «Беру все, что можно. Пригодится. Советской стране все нужно. Она должна знать все, чтобы мир и себя на дорогу вывести. Выведем! ... Издали еще яснее, что dear friends, дело делаем... мир баламутим. И к сути дела пробиваемся. Институтское дело большое – и всесоюзное, и всемирное. Не всем это понятно, но работой и результатами себя оправдаем, и отечеству, и миру смотреть в глаза будет не совестно. ...Да, сегодня день 15-летия революции. Издали наше дело кажется еще более грандиозным. Привет всем. Будем в растениеводстве продолжать начатую социальную революцию»[3, с. 577-579].

Уже в 1920-1930-е гг. были осуществлены меры по широкому внедрению в производство новых сортов сельскохозяйственных культур. Для этих целей в стране создается сеть государственных сортоиспытательных участков и районных семеноводческих хозяйств. В это время было сдано в производство и районировано 29 сортов сельскохозяйственных культур. Новые сорта давали возможность хорошо поставить и развернуть семеноводческую работу, прежде всего по зерновым культурам. Они обеспечивали повышение урожайности по сравнению с лучшими из имеющихся сортов на 15-20%, и уже в 20-е годы заняли значительные посевные площади. Некоторые из них длительное время были широко представлены в производстве. В их числе сорта яровой пшеницы Мильтурум 321, Цезиум 111, Гордеиформе 10 [4, с.41].

Опыт широкого и быстрого введения новых селекционных сортов в практику укрепил уверенность Н.И. Вавилова в «полной осуществимости быстрого внедрения в жизнь достижений опытных учреждений при

соответствующей государственной организации»[2, с.142]. Вместе с тем, подавляющий «государственный дирижизм» порождал опасения, потому что возможные ошибки и просчеты могли быть растиражированы на территорию всей страны. «В условиях нашей страны нам приходится быть особенно внимательным и бдительным в нашей исследовательской работе. Наша советская наука политична, она абсолютно неотделима от политики», – подчеркивал он [2, с.192].

В этих условиях Николай Иванович настаивает на необходимости внедрения в практику лишь проверенных и точно апробированных научными опытами, вполне доказательных результатов. Этим целям должна была служить четко структурированная на территории страны сеть научных и опытных учреждений, высокий методологический и методический уровень исследований, для достижения которого Н.И. Вавилов считал необходимым пойти даже на ограничение масштабов научно-исследовательской работы. «Основная нужда сейчас ни в расширении масштабов работ, ни в дополнительном техническом персонале и даже ни в оборудовании, которое далеко от идеала, а в теоретической подкованности. Гипертрофия масштабов требует ограничения» – подчеркивал он в середине 1930-х годов [2, с. 74]. Именно «известную осторожность» в вопросах внедрения считал положительной стороной в деятельности Н. И. Вавилова и руководимого им Института генетики академик Л. А. Орбели, поскольку речь шла о «сельском хозяйстве громадной страны, и маленькая ошибка при практическом внедрении может вести к очень серьезным роковым последствиям» [5, с. 353].

Начиная с конца 1930-х годов опасения Вавилова, к сожалению, начинают оправдываться: «Однобокое администрирование на нашем участке принимает характер, могущий нанести ущерб стране. Наркоматы проводят в жизнь положения, не проверенные достаточно в смысле их применимости... Замазывание отрицательных результатов в практике по данным вопросам, некритическое отношение становятся господствующими...» – пишет он осенью 1939 г. [3, с. 609]. Добавим, что описанная ученым ситуация сохранится в течение нескольких десятилетий.

Итак, выделим основные мысли Н.И. Вавилова по вопросам организации внедренческой деятельности. Во-первых, научные учреждения должны быть освобождены от административных функций по решению текущих производственных задач, для организации внедрения достижений науки в сельскохозяйственную практику должны быть организованы специальные «внедренческие» учреждения, а самим внедрением должны заниматься «экономисты и организаторы». Во-вторых, внедрению в практику подлежат лишь проверенные и точно апробированные научными опытами рекомендации, что возможно только при обеспечении высокого методологического и методического уровня исследований. Продолжая предпринятое исследование, мы увидим, насколько важны были мысли Николая Ивановича по организации

внедренческой деятельности, и насколько, опасным для сельскохозяйственной практики оказалось забвение этих принципов.

Академик Н. И. Вавилов был арестован в 1940 г. по обвинению в «отрыве работы от прямых задач социалистического производства».

В истории сельскохозяйственной науки и практики начинается «эра Лысенко». В условиях господства лысенковщины к наследию выдающегося ученого и организатора науки не обращались, а внедрение было признано «делом чести» советского ученого. Объединение в рамках научно-опытных учреждений исследовательской и внедренческой деятельности имело следствием глубокую дезорганизацию как первой, так и второй. Зато пышным цветом расцвела демагогия Т. Д. Лысенко и его сторонников по вопросам организации внедрения. Например, «ценными качествами» развиваемого Лысенко научного направления были названы «необычайная действенность научной работы, ее массовость, большевистская энергия в применении достижений, сугубая ответственность за это применение» [6, с. 354].

В целом в «эру Лысенко» дезорганизация всего опытного дела дошла до такой степени, что невозможно было понять, где завершается собственно исследовательская работа, и когда начинается внедрение. Появился странный и непонятный термин «массовый производственный эксперимент». Представители группы Лысенко подчеркивали, что особое значение «массового производственного эксперимента» состоит в том, что, во-первых, еще до объяснения внутренних причин изменчивости производственный эксперимент дает действенные способы непосредственного управления ресурсами живой природы; во-вторых, производственный эксперимент производится в естественных условиях или в весьма близких к ним и скорее приводит к пониманию сущности наследственности и ее причины; в-третьих, массовый эксперимент, вовлекающий большое количество исследователей в комплексные исследования и привлекающий каждый раз большое число живых объектов, повышает достоверность наблюдений [7, с. 332].

«Идеологическая» платформа, доказывающая преимущество «массового производственного эксперимента» перед кропотливыми лабораторными и опытными исследованиями, была сформулирована в изданном в 1964 г. учебнике дарвинизма. В нем указано, что «кабинетная, лабораторная генетика зашла в тупик», а «лабораторное исследование имеет дело обычно только с фрагментами жизни – с клетками, их штаммами, частями тканей в искусственной культуре», в результате исследователь получает «в таких опытах ответы организмов на искаженные условия существования» [7, с. 332], т.е. данные, полученные учеными в лабораторных исследованиях, малодостоверны и не имеют научной ценности. Другое дело, согласно взглядам Лысенко и его адептов, массовый производственный эксперимент, который представляет «самый верный путь к познанию живой природы,

практическое управление ее явлениями», когда в условиях производства «человек изменяет условия роста и развития растений» [7, с. 330].

О масштабах и практических результатах использования «массового производственного эксперимента» можно судить на примере попыток насаждения в Сибири стерневых посевов озимой ржи и озимой пшеницы по «методу Лысенко». С 1943 по 1947 гг. многие колхозы и совхозы региона сеяли озимую рожь по стерне на площади около 500 тыс. га. В последующие годы площади под озимыми зерновыми культурами, посеянными по стерне, еще более возросли. В 1951 г. только в Алтайском крае площади под озимыми культурами достигали полумиллиона гектаров. Однако подобный «массовый производственный эксперимент» имел плачевные результаты. К примеру, на Алтае в 1951 г., согласно данным весеннего обследования, из 449 тыс. га озимых культур, посеянных осенью 1950 г., сохранилось 150 тыс. га, причем появившиеся всходы оказались сильно изреженными. В том же году посевы озимой пшеницы по стерне в Омской и Новосибирской областях и степных районах Алтайского края на 80 % погибли от перезимовки и на 15 % – от засухи. На уцелевшей площади посева урожай был весьма низким и составил всего 30-50 кг/га. Несмотря на провал авантюры с посевами озимых зерновых культур по стерне в Сибири в 1943-1953 гг., была осуществлена повторная попытка в первой половине 1960-х гг. Абсурдность данной затеи становится еще более очевидной, если учесть, что предварительные производственные эксперименты не дали результатов. Так, в ОПХ Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства озимая рожь, посеянная по необработанной стерне под урожай 1962 г. на площади 1415 га, полностью погибла. Под урожай 1964 г. было посеяно 383 га ржи, из них 297 га полностью погибло, а с оставшейся площади собрано лишь по 2,4 ц / га [8, с. 149]. Эти и другие рекомендации вели к снижению производства зерна в регионе, хотя адепты Лысенко в Сибири поспешили объявить, что благодаря его открытиям сибирская природа оказалась побежденной [6, с. 175].

В это время развиваются процессы примитивизации аграрной науки. Исследования велись со значительными методологическими и методическими нарушениями. В исследовательскую практику насаждаются «передовые» приемы, весьма сомнительные с научной точки зрения (например, метод планомерного управления развитием растений), но выигрышные в политическом плане как «созвучные плановому социалистическому земледелию». В свою очередь, полученные таким сомнительным образом не менее сомнительные научные результаты, не подтвержденные экспериментальным и опытным путем, немедленно и в широких масштабах внедрялись в производство. В результате процессов примитивизации резко снизилась эффективность селекционных работ. Особенно это отразилось на выведении новых сортов зерновых культур и прежде всего яровой пшеницы. В послевоенные годы в связи с большой распашкой территории, механизацией и

химизацией земледелия потребовались сорта, стойкие против эрозионных процессов, оставляющие высокую и довольно крепкую стерню, отзывчивые на одобрение. Однако в 40-е – 60-е гг. прошлого столетия расширение сортовых посевов зерновых культур происходило преимущественно за счет сибирских сортов довоенной селекции, указанными признаками не обладавших. Большинство выведенных в этот период селекционерами сортов, районированных в разных регионах, впоследствии были сняты с районирования как недоработанные и не отвечающие условиям интенсивного земледелия.

Подобные действия Т. Д. Лысенко и его компании вызывали озабоченность не только отечественной, но и международной научной общест-венности. Так, немецкий ученый К. Штерн подчеркивал: «Попытка Лысенко пренебречь почти полувековыми достижениями науки приводит на смену разумным представлениям искажения и неясные места. И теория, и практика могут только потерять от столь расточительного пренебрежения» [9, №3, с. 102].

Отдельные рекомендации Т. Д. Лысенко формировались в процессе мимолетного знакомства с положением дел в сельском хозяйстве того или иного региона. Характерна в этом смысле история с внедрением ранних посевов яровой пшеницы на целине. Известно, что в районах Зауралья, Западной Сибири, Северного Казахстана нельзя приступать к севу сразу после физического поспевания почвы, поскольку здесь часто повторяются ранневесенние засухи и максимум осадков выпадает в июле. Поэтому здесь оптимальны более поздние сроки сева сельскохозяйственных культур. При посеве в эти сроки растения переносят майско-июньскую засуху в молодом возрасте и основное их развитие происходит в июле, создается также возможность уничтожить злостный сорняк овсюг путем его провокации и ликвидации в системе предпосевной обработки. Лысенко же, впервые в 1961 г. посетив целину, рекомендовал хозяйствам провести посев зерновых культур в сверхранние сроки. В итоге резко снизилась урожайность, а поля надолго оказались засоренными.

Хотелось бы обратить внимание на следующий красноречивый и показательный факт. «Законодатель моды» в сельскохозяйственной и биологической науках академик Т. Д. Лысенко являлся автором единственного выведенного им сорта пшеницы Лютесценс 1163, который почти без испытания внедренный в сельскохозяйственную практику, высаживался на очень небольших площадях и в 1946 г. был снят с районирования как неперспективный [9, №4, с. 101]. Ю. А. Жданов (сын А. А. Жданова), заведующий отделом науки ЦК ВКП(б), в 1948 г. Отмечал, что «Лысенко не вывел сколько-нибудь значительных сортов сельскохозяйственных растений» [9, №1, С. 88].

Таким образом, вышеприведенный материал показывает полное непонимание лысенковцами как научных проблем наследственности, так и

отсутствие у них сколько-нибудь оформленных взглядов на организацию внедренческой деятельности, отсюда и действие по принципу: сначала посеем, а там видно будет. Поэтому многие «новации» Лысенко и его компании можно в лучшем случае представить как гипотезы, предложения, а не как законченные результаты научных исследований. Но подобные предложения во множестве доводились до производителей.

Профессор А.А. Любичев, один из самых последовательных и непримиримых критиков Лысенко, оценивая практическую ценность «научных» рекомендаций последнего, пришел к следующим выводам:

«1. Среди многочисленных практических предложений академика Т. Д. Лысенко трудно назвать такое, значение которого соответствовало бы высказываниям о нем автора предложения.

2. Ряд предложений нововы, малоэффективны и значение их чрезмерно раздуто; другие новы, но не верны; есть такие, которые, видимо, могут иметь известное значение в определенных условиях, но безоговорочное их применение приносит часто вред вместо пользы.

3. Все высказывания Лысенко проникнуты совершенно исключительным хвастовством, и по ряду вопросов уже можно утверждать, что данные им обещания выполнены не были, это однако никогда и нигде Лысенко не признает.

4. Многочисленные опыты Лысенко не являются случайными ошибками продуктивного работника, а являются прямым следствием порочности всего стиля его работы, который можно кратко охарактеризовать как комбинацию невежества с вандализмом.

5. Достигнув в 1948 г. монопольного положения в биологии, Лысенко продолжал идти по линии полной научной деградации, и этот период может быть охарактеризован наличием сознательной фальсификации данных Лысенко и некоторых работников его школы.

6. Дальнейшее пребывание Лысенко на руководящих постах ничего, кроме вреда, науке и всему нашему народному хозяйству принести не может» [10, с. 47].

Опасность лысенковщины в области внедрения заключалась и в том, что многие ученые и целые научные коллективы действовали по его образу и подобию, т.е. рекомендовали производству недоработанные и не проверенные экспериментально приемы ведения сельского хозяйства. «Падение всякого ученого... начинается тогда, – писал Т. С. Мальцев, – когда он принимается за... приспособление истины к плодам умозрительных построений, своих и чужих» [11, с. 258]. Так, в частности, произошло с коллективом Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства, который, идя навстречу пожеланиям Н. С. Хрущева, вопреки экспериментальным и опытным данным выступил в начале 1960-х гг. с пропагандой пропашной системы земледелия. В итоге этого нововведения в регионе были

ликвидированы чистые пары, которые считались отправной точкой и основным фундаментом сибирского земледелия. В результате насаждения пропашной системы земледелия сельскому хозяйству региона был нанесен значительный экономический ущерб. Любопытно мнение практического работника, директора одного из совхозов: «Ни одно новшество последних лет не дало пользы, ни одно: ни кукуруза, ни бобы, ни «елочки», ни «карусели», ни пропашная система, ну, решительно ничего» [12, с. 50].

Минули времена, мы вступили в новое столетие, но до сих пор производительность нашего сельского хозяйства остается невысокой, в значительной степени зависит от капризов погоды, а внедрение носит очаговый характер. И мысли Н. И. Вавилова об организации внедренческой деятельности остаются актуальными для современной сельскохозяйственной практики. Сельское хозяйство отдано на откуп рынку. Конечно, в современных экономических реалиях внедрение по «методу Лысенко» невозможно в принципе. Но до сих пор не остановлены в большинстве постсоветских республик процессы архаизации сельскохозяйственного производства. При осуществлении необходимых в будущем задач модернизации отрасли, которые вынужденно будут решаться в короткие сроки, важно избежать ошибок прошлого. Представленный материал может послужить ценной информацией для размышления для ученых и практиков.

Список литературы: 1. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. – 574 с.; *Штоль С.Э.* Герои и злодеи российской науки. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 464 с.; *Репрессированная наука /* Ред. М.Г. Ярошевский.- Л.: Наука, 1991. – 559 с.; *Рычков А.В.* Причины возникновения лысенковщины: историко-научные аспекты // Омский научный вестник.- 2003.- №2.- С.2—23; и др. 2. *Вавилов Н.И.* Организация сельскохозяйственной науки в СССР: Избранные статьи и выступления.- М.: Агропромиздат, 1987.- 384 с. 3. *Вавилов Н.И.* «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки.- М.: Советская Россия, 1990.- 345 с. 4. *Курцев И.В.* Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Сибири (в прошлом — на рубеже веков — в будущем) / РАСХН. Сиб. отд.-ние. СибНИИЭСХ. — Новосибирск, 2001.- 284 с. 5. *Вавиловское наследие в современной биологии.* — М.: Наука, 1989.- 368 с. 6. *О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина 31 мая - 7 августа 1948 г.* — М.: ОГИЗ-СельхозГИЗ, 1948.- 536 с. 7. *Дворянкин Ф.А.* Дарвинизм: курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма.- М.: МГУ, 1964.- 448 с. 8. *Рычков А.В.* Влияние рекомендаций Т.Д. Лысенко на сельскохозяйственное производство Сибири// Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII-XX вв.): Сб. научн. ст.) /Отв. Ред. Э.Ш. Хазиахметов. Омск: Омск. гос. ун-т, 1996. - с.147-151. 9. *Вопросы истории и естествознания.* - 1989. 10. *Любичев А.А.* В защиту науки: Статьи и письма.- Л.: Наука, 1991.- 295 с. 11. *Малышев Т.С.* Раздумья о земле, о хлебе. — М.: Наука, 1985.- 296 с. 12. *Манякин С.И.* Сибирь далекая и близкая: Записки партийного работника. - М.: Политиздат, 1985. - 286 с.

Поступила в редколлегию 03.10.2012

Н. И. Вавилов и Т. Д. Лысенко: внедренческие альтернативы / А. В. Рычков // Вісник НТУ «ХП». Серія: Історія науки і техніки. – Х. : НТУ «ХП», 2013. – № 10 (984). – С. 115–124. – Бібліогр.: 12 назв.

Стаття присвячена розгляду поглядів М. І. Вавилова та Т. Д. Лисенка на проблеми організації впровадження досягнень науки у сільськогосподарське виробництво

Ключові слова: М. І. Вавилов, Т. Д. Лисенко, сільське господарство, науковий погляд, аграрна наука.

The article devoted to research of views of N. I. Vavilov and T. D. Lysenko on problems of organization of inculcation of scientific achievements in agriculture.

Keywords: N. I. Vavilov, T. D. Lysenko, agriculture, scientific view, agrarian science.